

III. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Воспоминания В. В. Темкиной

Среди пьес Островского, связанных со Щелыковым, комедия «На бойком месте» имеет особое значение. Сам драматург высоко ценил эту пьесу, считал ее одним из тех своих произведений, которые должны быть в репертуаре каждого народного театра.

Существует предание, что при въезде в Щелыково находился трактир «На бойком месте»; сама же пьеса, очевидно, подсказана следующей записью, сделанной Островским в «Дневнике»: «В Ситкове содержатель постоялого двора, толстый мужик, с огромной седой бородой, с глазами колдуна, не пустил нас; у него гуляли офицеры с его дочерьми, которых пять» (XIII, 227).

«На бойком месте» часто играли в Щелыкове. Актеры Малого театра показывали свой знаменитый спектакль на помосте, выстроенном на территории усадьбы, перед множеством местных жителей. Сбор от этих спектаклей шел на устройство Музея Островского и дома отдыха Малого театра в Щелыкове.

Спектакль этот, как и сама пьеса, настолько слились в моем сознании с усадьбой Островского, что мне кажется уместным рассказать о нем.

Спектакль «На бойком месте» был одним из образцов глубокого и верного истолкования Островского. Шел он на сцене Малого театра много лет и пережил известную эволюцию. В те годы, когда я его застала, это был блестящий спектакль. Выдающимися истолкователями двух центральных ролей — Евгении и Миловидова — были В. Н. Пашенная и П. М. Садовский. Они играли эти роли почти четверть века. Но и второстепенные роли игрались с удивительным проникновением в стиль эпохи.

Я хотела бы восстановить в памяти несколько сцен из этого замечательного спектакля, принадлежащего, как мне кажется, не только истории театра, но и истории истолкования Островского, взятой в более широком смысле.

Помещик Миловидов приехал на постоянный двор «На бойком месте» со своим казачком Гришкой. Образ Гришки, созданный А. П. Грузинским, был настоящим шедевром.

В ремарке Островского написано — «Гришка, человек Миловидова, молодой малый, одетый казачком». Пьеса «На бойком месте» была написана в августе 1865 г., когда еще сильна была память о крепостном праве. Образ Гришки был связан в сознании Островского с этой эпохой.

Немного реплик в пьесе Островского у Гришки, но как много сделал талантливый артист для художественного раскрытия этого скромного персонажа. Грузинский был не только одет казачком, но и играл мальчика-казачка. Из злобещей российской мглы этот казачок принес страх перед барином, перед розгами, которыми запарывали на конюшнях.

Много раз видела я этот удивительный спектакль и каждый раз поражалась игре Грузинского. Как выразил артист эту мглу российской! В его глазах был блеск одаренного человека и... страх! Страх перед барином, перед малейшей оплошностью, страх не угодить! Отсюда действительная линия — следить за «шорохом ресниц» барина. Появляясь вместе с Миловидовым, казачок вносил его вещи, раскладывал, убирал или расстав-

В. И. ЖИВОКИНИ

Фотография Н. Гольдгаммера,
1850-е гг.Из альбома, поднесенного москов-
скими артистами М. С. Щепкину
в 1855 г.

Исторический музей, Москва

В. И. Живокини

лял — все делал с ощущением барина, его желаний и оценки, а уж как он обращался с трубкой! Только поэт или музыкант может это выразить! В его руках она была живым существом, грудным младенцем в руках матери... Прodelав все, он боязливо поглядывал на барина, проверяя по нему, так ли он сделал, и стушевывался, отходил на третий план и стоял у притолки в дверях.

Миловидов (П. М. Садовский) павлинился, во всю красу распускал свой «хвост», командовал людьми и лошадьми, помыкал сбитой с толку Евгенией, из бабьей корысти оболгавшей Аннушку, хорохорился и глумился над бедной, беспредельно его любящей девушкой. — Эй, где гитара моя? — Трепетная Аннушка (чаще всего ее играла В. А. Обухова), голову терявшая от перемены настроения и отношения к ней Миловидова, выносит ему гитару, как Гришка трубку.

— Вот вам гитара! Извольте!

— Я сказал, чтоб мою гитару не смели трогать. Вот я ее домой увезу.

— Ее никто и не трогал. Я играю иногда.

Конечно, Островский подсказал решение образа, назвав Миловидова Павлином Ипполитычем. Красавец-мужчина, не знавший отказов, и вдруг «простая девка». «Жениться хотел», но услышал одно слово о неверности Аннушки, и «как рукой сняло», «оборвал сразу». Темперамент Садовского — Миловидова выражался в сцене с гитарой, он ее выхватывал из рук, будто пощечину давал несчастной Аннушке, перебирал струны, сердил, негодовал, не смотрел на нее:

— Вот как! Так это ты играешь! Мило! Что же ты играешь! — В эти фразы артист вкладывал боль за оскорбленное мужское достоинство,

С. П. АКИМОВА

Фотография Н. Гольдгаммера
1850-е гг.

Из альбома, поднесенного москов-
скими артистами М. С. Щепкину
в 1855 г.

Исторический музей, Москва

С. П. Акимова

выражал презрение к Аннушке, нет, не к Аннушке, ко всему женскому полу. Исполнительница роли Аннушки естественно недоумевала, терялась, не понимала, за что ее казнят, и «держала ответ»:

— Те песни, которым вы меня учили.

Аннушка словно погружалась в омут, а барин хорохорился и снисходил:

— Что ж! От скуки хорошо, все-таки занятие!

От скуки! У нее земля горела под ногами, петля на шее затягивалась, а он: «от скуки». Отчаянье и безысходность охватывали чистую душу.

Он перебирает струны гитары, которая выражает и его думы и его сердце.

Миловидов аккомпанирует, Аннушка поет:

— Пела, пела пташечка,
да замолкла;
Знало сердце радости
да забыло.

— За что вы, Павлин Ипполитыч, загубили всю жизнь мою? Вы мне хоть слово скажите!

Только поздри раздувал Миловидов, только сильнее рвал струны. Бурлила кровь в Миловидове, готовая зарыдать, еле держалась Аннушка. Несмотря на все свое фанфаронство и извечную мужскую несправедливость, топчущий любовь и нежность Садовский был обольстителем. В тоне, в голосе, в движениях это был с головы до ног — мужчина! Сильный и великолепный! У него надо было учиться смотреть на женщину, обнимать ее, целовать, преклоняться и отвергать, проклинать и радовать!

На крик, а это был крик, сильный, разрывающий разбойничье гнездо,—«Гришка!!!»—будто с сундучка, с облучка, где он приткнулся на мгновение, вылетал пред ясны очи барина Гришка — Грузинский: вопрошающий взгляд, готовность ринуться в бой... Гришка замирал в ожидании приказа. Аннушка продолжала: «Я, Павлин Ипполитыч, с жизнью расстаюсь, а вы шутите... Наговорили вам что-нибудь или другая есть лучше меня!» Гришка — Грузинский неподвижен. Только глаза устремлены на хозяина. Кобенясь, Миловидов берет лучинку, ломает ее пополам, разбрасывает и сокрушает свою жертву: «Попробуй составить,— не составишь. Так и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи!». Тут началась сцена танца мальчонки-казачка, которую можно назвать — «жизнь или смерть!»

Миловидов начинал играть трешака. Гришка — Грузинский чутьчку пятился назад для разбегу, руки робко пристраивал на боках, судорожно переминался, «подстраивался» к музыке, успевал взглядывать на барина и нелепым движением, с подскоком и выбрасыванием ноги, согнутой в колене, шел на зрителя... Он показывал придуманное и вытенированное коленце, желая удивить и обрадовать своего тирана. «Дробь! Дробь, говорят тебе! Скоро ли я тебя, подлеца, выучу». Грузинский останавливался; во всей маленькой, хрупкой фигурке была такая трогательность, такая незащищенность, такая мольба: «Уж я, сударь, сам немало казниюсь на себя; самому до смерти хочется поскорее выучиться. Начнешь это в людской протверживать, так бы, кажется, об стенку себе голову и расшиб». Он чуть не плакал и словно просил прощения: «Кабы меня с малолетства, сударь». «А что?» Ух, как он радовался: значит, не ударит, значит, не убьет, раз соизволил спросить. Мальчик оживлялся, перед зрителем раскрывалась еще черта этого казачка — талантливость, огонек, желание не только угодить, но и показать свои способности, «блеснуть»: «Потому у меня к этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Уж это вы будьте покойны. Вот извольте посмотреть вот это колено». Миловидов — Садовский смотрел на него мрачно, расстроенный своими любовными заботами: «спотыкаясь» о его лицо, Гришка быстро садился на пол, сбрасывая сапоги, оставался в одних деревенских чулках, штанишки, высвободившись, болтались на нем. Приняв позу, эдакое па-де-де по-деревенски, он крестился и произносил: «Извольте, сударь, играть»,—шел в неравный бой с судьбой, все сильнее расходясь, выдавая причудливые и простые «антраша», он радостно взвизгивал: «Почаще, сударь». Своим солнечным и одновременно трагическим темпераментом он увлекал самого Миловидова, тот молодецки кричал: «Ходи круче!», Гришка радовался, что угодил барину, и так крутился и приседал, что зритель начинал аплодировать, но артист не унимался и... неожиданно! для зрителя неожиданно! вдруг садился и, выкидывая вперед ноги и подбираясь к ним, шел в «атаку» на зрительный зал... Хохот, аплодисменты, крики «браво». Грузинский не останавливаясь продолжал жить в образе и, сидя на полу, обращал покорный взгляд к хозяину: Ну, что, мол, как? Угодил ли сегодня? Не прибьешь?

Садовский подхватывал настроение зрителей и сочно восклицал: «Молодец! Молодец!» И зал вновь ликовал и приветствовал артистов.

Напомним, что на постоялый двор Бессудного приезжает также купеческий сын Непутевый со своим приказчиком Сеней, а сам Бессудный находится в сговоре с ямщиком Раззоренным, который способен продать ему все на свете.

У Островского плохих ролей нет! Но все-таки есть более и менее выигрышные. На первый взгляд роль Сени выигрышная. Сеня — приказчик разгульного Петра Мартыныча Непутевого. Его функция оберегать купеческого сына — задача нелегкая! Подобно Грузинскому,

В. Ф. Лебедев, игравший эту роль, создал мир интересов и поступков этого человека, попавшего в разбойничье гнездо, кишачье вокруг главы — злодея Бессудного и его тароватой, обольстительной жены Евгении. Вид у Лебедева был благообразный: русский парик «под кружок», приказчиный. Голубая сатиновая рубашка, на нее надевался жилет с карманчиками для часов, брюки навывпуск, сапоги поблескивающие и сюртук темный, типа поддевки. Появляясь вслед за Евгенией (Пашенная), он носовым платком вытирал вспотевшую, видимо, и от чая и от вина шею... Очень игриво поглядывал на Евгению, спрашивал об Анне Ермолаевне, а сам лкнул к этой озорной и вкусной бабенке. У Лебедева были симпатичные покрякивания, будто он проглатывал слюну, предвкушая вкусненькое, в нем таилась плотоядность.

Появляется пьяный Непутевый (Н. И. Рыжов), задирающий и пристающий к Аннушке... Очень хлопотал около своего подопечного Лебедева — Сеня. «Меня родители-то с ним и посылают нарочно для бережения, чтоб его беречь в дороге». Поглядывая на Аннушку и Евгению, он пятился к дверям, как перед «царицами», к которым нельзя быть спиной. Взглядом он как бы говорил: мы еще побеседуем, а теперь, увы, удаляюсь, а то вы можете и без окон и без дверей остаться.

Умный и хитрый Сеня-«опекальщик» чует плутни ямщика Раззоренного; тарантас новый, «до Туречины, не чиня, доедешь», а тут — ехать нельзя! — А вот посмотреть пойти, не врет ли он! Ужасно смешно, вкусно, колоритно говорил Раззоренный — Чернышов: «Посмотреть пойти! Много ты знаешь! Скрипит колесо на ходу, ну, и значит рассохлось. Аль вам рубля жалко? А еще купцы!» Карие глаза С. М. Чернышова озорно поблескивали, соображали, сколько денег надо! Бушевал Непутевый — Рыжов. Чернышов оживлялся, покрякивал в предвкушении: «Кузнец — он знает» — поворачивался, чтобы уходить, но задерживался: «А теперича с вашей милости надо на водку!». Он это говорил так, как будто без этого ни одно колесо в мире не двинется.

Сеня оберегал своего хозяина, опасался получить «вздрычку» от его отца, но с сыном он вместе и «вкушал» хмельное и прицеливался на хорошеньких хозяек, да и руки запускал в кошель хозяина, ничего не видевшего затуманенными от хмеля глазами.

Конечно, такому Сене сориентироваться в «обстановке» нужно точно, а то и своя голова загремит, но даже в волнении (находка Лебедева) Сеня не терялся. Оставляя деньги Непутевого для расплаты за постой и угощение, говоря «а один ямщику возьмем», — золотой рубль, показав всем, он клал себе в карман. Эту «заботу» зрительный зал встречал улыбкой и смехом. Занятная была находка у Раззоренного — Чернышова, которую в антрактах зрители повторяли, как шлягерную песню или куплеты. Находясь в сговоре с Бессудным и имея от него «поживу», Раззоренный — Чернышов смешно спотыкался на слове «чемодан», с трудом его выговаривая...

Если представить себе, что в 60-е годы прошлого столетия в российском захолустье поклажа чаще всего содержалась в сундуках, корзинах, узлах и еще очень редко в чемоданах, то артист, играющий простого мужика-ямщика, был прав, произнося замысловатое для него слово необычно.

На протяжении многих десятилетий сурово и правдиво играл Бессудного С. А. Головин. Его «герой» был словно из дремучих лесов, красивый, благообразный, сильный, страшный, лютый, беспощадный. Рядом с таким Бессудным вырастала фигура Евгении. Какой лихостью, страстью, смелостью, находчивостью и дерзостью надо было обладать, чтобы отважиться на «бабские увертки», на обман такого человека, на то, чтобы под носом у него завести роман. Пашенная показывала, что она все время

П. М. САДОВСКИЙ

Фотография Н. Гольдгаммера,
1850-е гг.Из альбома, поднесенного москов-
скими артистами М. С. Щепкину
в 1855 г.

Исторический музей, Москва

Павел Садовский

чувствует топор над головой. Она играла эту роль много лет, с годами углублялось понимание социальной сущности персонажа, раскрывались новые грани. Подводя итоги своей творческой жизни, актриса писала: «Играя Евгению, я стремилась передать ее жизненную силу, яркость и размах, темперамент и обаятельное лукавство — словом, талантливость русской бабьей натуры, все ее привлекательные качества, которые могла извратить, но не могла уничтожить грубая и своекорыстная среда. Я обвиняла таким исполнением грубые социальные условия, искажившие характер Евгения, и, показывая, как вспыхивают и искрятся обаятельные свойства этого характера, раскрывала гуманистический и общечеловеческий план роли» (В. Пашенная. Ступени творчества. М., ВТО, 1964, стр. 86).

Евгения стремится обольстить барина Миловидова, влюбленного в Аннушку. Она разрушает наметившуюся между ними лирическую связь, оболгав золовку и сказав Миловидову, что у нее был любовник и что она только с ним так манежится, чтоб оженить. Покинутая и оскорбленная Аннушка случайно натолкнулась на целующихся Евгению и Миловидова. В минуту отчаяния она способна выдать свою разлучницу брату, Бессудному: «Кабы не своими я глазами видела... Тут вот, на самом этом месте». Грозный и лютый Бессудный — Головин наливался кровью, и могло произойти вот сейчас, сию секунду убийство неверной жены...

Евгения — Пашенная с ловкостью джигиты, жонглера, фокусника, дьявольской озаренностью спасала свою жизнь! Именно спасала жизнь, а не просто выкручивалась. У нее был такой внутренний накал, что она могла обмануть всех разбойников мира, обмануть и обольстить! Первая ее задача была остановить нависающий над ней топор, просто остановить:

Л. П. НИКУЛИНА-КОСИЦКАЯ

Фотография Н. Гольдгаммера,

1850-е гг.

Из альбома, поднесенного московскими артистами М. С. Щепкину в 1855 г.

Исторический музей, Москва

Л. П. Никулина-Косицкая

— Не слушай ты ее. Ермолаич!

Эта бестия еще не придумала того, что будет говорить дальше, она творила! Сочиняла нечто правдоподобное! Сообразила и с чарующей улыбкой, не глядя на Аннушку, начинала разглагольствовать:

— Теперь-то я догадалась!

Она боялась повернуться к Бессудному спиной, глядя ему в глаза, «творчески» оттягивала ответ.

— Не говори, пожалуйста, не простят тебя. Я сама все расскажу...

Начинала смеяться, как над смешной историей, не заслуживающей внимания.

— Ишь, какая диковина!

Бессудный, знающий цену гордой, честной Аннушке и своей крутихвостке жене Евгении, наступал, но понимал, что она манит к себе, а значит, в его «гнездо». Крути, верти, завлекай, деньги из всех выгребай, но свой долг жены не забывай...

Чем грознее становился муж, тем улыбчивее жена:

— Ох, смех, право, смех! Слушай-ка ты, Ермолаич! А я уж думала, бог знает что...

Бессудный — Головин не спускал с нее глаз, а чтобы (пока!) сдержаться, большими пальцами рук цеплялся за пояс, повязанный поверх холщевой рубахи, надетой сверх деревенских портов.

— Что вертись-то! Говори толком!

Угроза вот-вот могла обернуться трагическим исходом... Евгения — Пашенная начинала хохотать, но как! — Что, мол, вы со своей сестричкой придумали... вот блаженные-то, что «узрели» — увидели? Хохот раскаты-

вался, разливался, захватывал, как стихия... Казалось, вся вселенная смеялась, и только два мрачных человека — Бессудный и его сестра Аннушка — не понимали этой ликующей прелести бытия.

— Ха, ха-ха, ха-ха-ха-ха!

Как провожали мы барина-то, бегу это я в сени-то, таково тороплюсь... а он...

«Творчество» Евгении нарастало.

— Ха-ха-ха!

И с совершенно невинной интонацией говорила:

— И схватил меня.

У Головина — Бессудного глаза становились рачьими, он, как скала, нависал над Евгенией и не кричал, а «внушал»:

— Схватил, да? Ну?

Пашенная — Евгения «соглашалась» с ним, будто речь шла об улетевшем зернышке:

— Во-от!

Подобную невиннейшую интонацию можно услышать только, когда мама и близкие смотрят на первый шаг дитяти.

— Она выходит... (в интонации чувствовалось «твоя сестричка — недотрога», из-за которой от нас хорошие люди бегут, чего доброго совсем ездить перестанут и барышей не будет никаких!). Евгения опять «творила» и придумывала ей в насмешку. Сообразила! Ха-ха-ха и... Акцент был на «ей в насмешку», да еще на поцелуй в щеку «И... поцеловал меня!» Вера Николаевна указательным пальцем тыкала в щеку: эх мол поцелуй! Всегда, при всех мы так-то целуемся, когда встречаемся, когда прощаемся... Грех какой!

— Да он меня и не видел, и ты меня не видела, — говорит Аннушка.

Вот тут «топор», казалось, совсем навис над Евгенией... Словно молния прошла по всем жилам, по всем суставчикам этой бестии. Со всей мощью своего симфонического голоса, со всем темпераментом, с абсолютнейшей категоричностью страстного трибуна, глядя мужу в глаза, она утверждала: «Видел!» Крестилась. Гневно смотрела на Аннушку и на Бессудного, осмелившихся заподозрить ее! Чистую и невинную! И крупно, с жирной точкой еще «Видел. Видел». Настолько это было искренне, что даже видевший мог скорее в себе усомниться, чем в ней. Она их еще раз оглядывала и начинала смеяться, как над детьми: «Видел! Ох, видел. Ха-ха-ха, ох, видел, видел». Внутренне она плясала, пела и всех обвиняла:

— Милые вы мои, ну до чего же вы дуралеи-насмышленныши! И как же ловко она действовала!

— Сказывай, Анна, как что было!

Пашенная не давала говорить Аннушке, опять оттягивала «топор» и всхлипывала: «Вот радуйся теперь, коли тебе муж больше верит». Ну, жертва! Бедная! Все ее едят! «Жертва» не остывала, она мыслила, она творила, фантазировала, и вдруг, в самый разгар ее выныривания из смерти, приезжает причина всего события — Миловидов!

Бессудному не резон ссориться с барином — барыш! Престиж дела! Евгения как-то сжималась, шея уходила вглубь, ее глазищи «висели» на муже...

По уходе Бессудного Евгения — Пашенная со взволнованностью чистой души бросалась на Аннушку, причем говорила она тихо, боясь, что муж услышит:

— Змея, змея, за что ты меня губишь! Какая тебе польза! Ушла Аннушка. Монолог Евгении. Обычно все занятые в спектакле актеры собирались в кулисах и смотрели, как сегодня Пашенная будет молиться, а П. М. Садовский за ус себя дергать.

П. А. СТРЕПЕТОВА

Фотография Ш. Бергамаско, Петербург, 1870-е гг. С дарственной надписью А. В. Протасовой:
«На память о Стрепетовой в «Грозе» Александре Васильевне Протасовой от любящей ее П. Стрепетовой.
24 февр(аля) <18>79 г.»

Исторический музей, Москва

Она совсем просто говорила:

— Ах, батюшки! Вот страх-то! Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю! Ох, падаю.

Ну и хохот же стоял в зрительном зале...

Эта продувная bestия смотрела на иконы и «торговалась» с богом. Пашенная показывала богу два пальца, сложенные перстом, как для креста, и говорила моляще:

— На полчаса...

И ждала «ответ» от «партнера»-бога. Потом наступала ласково:

— А уж я б что-нибудь придумала.

Она вела совершенно конкретный «сговор» со своим богом сначала ласково, а потом более требовательно:

— Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола.

Какое счастье было на нее смотреть! Сколько радости она с щедростью великой бросала через рампу! «На бойком месте» можно было смотреть столько раз, сколько шел спектакль; он был всегда первороден; мысли и чувства, действия, столкновения, события, конфликты зарождались сейчас на ваших глазах и... впервые!

Роскошен был и Садовский — Миловидов. В характерах, созданных им и Пашенной, был масштаб! Чего стоило его появление во время «сговора» Евгении с богом. Он на цыпочках к ней подкрадывался и поддевал легким жестом под «микитки». Евгению будто кипятком ошпарили, в долю секунды она опять «творила», соображала, муженек-то с топориком ыл рядышком, и «злодейка» — золовка тоже. Она стремительно

снимала со стола скатерть (сообразила!), по-хозяйски ею занималась и злое ще шептала:

— Ой, не подходи! Ой, не подходи.

Ничего не понимая и любуясь ею, Павлин — Садовский спрашивал громко:

— Что так?

Евгения — Пашенная вздрагивала и говорила в бешеном ритме, в то время как скатерть стелила почти медленно, так что если бы вошел муж, он увидел бы свою жену за работой.

— Золовка-злодейка подсмотрела да все рассказала...

Садовский смотрел на нее понимающе, лукаво и с юмором.

«Все, злодейка, рассказала», — яростно шептала она. С усмешкой и без всякого страха перед бородатым мужем произносил Миловидов — Садовский:

— Плохо твое дело!

Евгения, боясь оглянуться назад, кидала своему другу «спасательный круг»:

— Ты за ус себя дергай!

Миловидов не понимал. Сердясь на его недогадливость, гневалась обольстительница:

— За у-у-с! Себя дергай!

Такой ее еще не видывал Павлин Ипполитыч, старался разобраться:

— Никак ты помешалась?

И с мольбой, и с гневом на недогадливость любовника, и с ощущением близости Бессудного — «топора», она добивалась помощи от Миловидова:

— Мне оглядываться-то нельзя (в интонации звучало — пойми, пойми ты это!): он подумает, что мы с тобой шепчемся. Садовский совершенно просто, с позиции лихого рубахи-парня, беспечно и резонно отвечал:

— Ну, не оглядывайся!

Будет он, барин, еще в «дрязги» лезть.

— А ты дерни себя за ус-то, как он войдет, дерни (кипела Евгения), я и буду знать, что он здесь, такую и речь поведу; нарочно, чтоб он слышал.

Наконец Миловидов — Садовский начинал понимать ловкость Евгении, игра на острие ножа стала его увлекать, и при появлении Бессудного он лихо, с удовольствием то поглаживал, то покручивал усы, с упоением подавал просимые «сигналы».

— Вам-то, барин, шутки, а муж-то мой сердится. — Не очень громко, но явственно выговаривала bestия-Евгения. Шла увлекательнейшая, азартная игра!

О, насколько Евгения была ловчее, азартнее, хитрее «ходока» — Миловидова! Всеми оттенками плутовства, лукавства, расчета она владела в совершенстве и столь обаятельно всех обкручивала, что нельзя было в нее не влюбиться, хитрость ее была сатанинская и беспредельная. Где надо она и Бессудного защищала; на вопрос Миловидова, куда ночью уедет Бессудный, «на разбой, что ли?», Евгения — Пашенная отвечала легко, между прочим, как говорят о чем-то несущественном:

— Кто его знает! Лошадь с поля пригнали, тележку готовят да с Жуком шепчутся. Так ты и приезжай.

По «сигналу» Миловидова, зная, что муж сзади, Вера Николаевна скромно, слегка кланяясь, любовно говорила о муже:

— Мы всегда вам рады, и просто не знаем с мужем, как вам и угодить; только уж вы оставьте, вперед этого не делайте, прошу я вас.

Самый
 Портрет
 от Н. Стрешетовой
 1878 г. 5-го марта

Александр Васильевич
 Протасов
 Album
 S^o PETERSBOURG

П. А. СТРЕШЕТОВА

Фотография Н. Досса, Петербург, 1870-е гг. С дарственной надписью А. В. Протасовой:
 «Милейшей Александре Васильевне Протасовой от П. Стрешетовой <18>78 г. 5-го марта»

Исторический музей, Москва

Совершенно обычно, как и с другими постояльцами, «служебной» фразой звучало в ее устах:

— Чем потчевать прикажете? Чайку не угодно ли?

Она невинно поправляла правой рукой сережку в левом ухе. Искусно «обрабатывала» Евгения и Аннушку; на выраженное Миловидовым желание «хоть бы с ней поболтать», она «свято», с нежностью, с сердечной теплотой, заботливо говорила об этой недотроге-скандалистке:

— Кто ее знает, должно быть, в светелке. Я, пожалуй, пойду кликну.

Стоп машина! Сзади «топор-топор!» Маленькое движение, чтобы уйти, и остановка. Мы не знаем, что еще выкинет эта бой-баба! Какую искреннюю любовь к мужу и тревогу за него она выражала:

— Только вы мужу не говорите, что я вам выговаривала; а то он, пожалуй, рассердится: скажет, как ты, дура деревенская, смеешь господ учить, которые умнее тебя.

Миловидов смеялся ее находчивости вкусно, смачно, снисходительно смеялся над глупыми подозрениями ревнивца.

Евгения — Пашенная пятилась к двери, слегка кланяясь и прося «прощения»; она пятилась, как миллионы слуг перед царями. Сбитый с толку Бессудный, уж не ударяя ее, а скорее, защищаясь, вытягивал руку и попадал ею между лопаток. Евгения пугалась от «неожиданности» и одновременно радовалась, как от жгучей ласки:

— Ох, чтой-то ты, Ермолаич, как перепугал. Я тебя и не вижу.

В интонациях звучало: «как хорошо, что ты пришел, как вовремя! Милый ты мой, ненаглядный!» Наивно, как пятнадцатилетняя девочка Евгения спрашивала:

— Да когда же ты, Ермолаич, взошел-то?

Надо было видеть лицо Миловидова — Садовского! Он был в восторге от Евгении. Глаза блестели, сам еле сдерживался от сотрясающего его смеха; широко улыбался Бессудному, будто другу лучшему.

Евгения — Пашенная смотрела на мужа — Бессудного, как на обожаемого любовника, угодить которому — смысл ее жизни; теперь она стояла спиной к Миловидову, да и не нужен он ей был вовсе. для твоей сестры — Аннушки сюда он ездит, я его привечаю для тебя, для барышей твоих, а то бы и не взглянула на него.

На приказ Бессудного:

— Уж ты ступай, куда тебя посылают, — радостным «фонтаном» взмывалась Евгения — Пашенная! Лихим «кругалем» вокруг мужа, спиной к Миловидову, спиной к зрительному залу, она обегала Бессудного и мчалась выполнять приказ мужа, а на самом деле радовалась придуманным «уверткам» и еще раз спасенной жизни.

Зрительный зал восторженно бушевал, аплодировал, ликовал! Всматривался Бессудный в Миловидова, прикидывал, взвешивал, старался догадаться.

С. А. Головин играл весомо, скупно, значительно, почти без жестов; ни одного пустого взгляда; строгий старик, и лишь блеск глаз выдает его замыслы или волнение; его взгляд настолько напоминался, что когда Евгения вела разговор с «богом» и жаловалась ему: «Экой муж-то у меня страшный! Глазищи-то, как у дьявола!», — зрители смеялись над ее «горестями», но и соглашались с ней. Характер Бессудного, начертанный Головиным, был фундаментальным, угрожающим. Встретиться с таким в лесу было бы страшно.

После ухода Евгении Миловидов — Садовский, говоря о Евгении: «Какая жена-то у тебя строгая», — хвалил Бессудного, что он нашел себе достойную подругу. Головин — Бессудный, думая об отношениях Миловидова и упорхнувшей жены, взвешивал:

Марья Александровна
Фишера
на память М. Ермоловой.
1908 г. 22 апреля
К. Фишер
в Москвѣ.
Кузнецкий мостъ №11

М. Н. ЕРМОЛОВА

Фотография К. Фишера, Москва, 1900-е гг. С дарственной надписью:
«Марье Александровне Фишер на память М. Ермолова. 1908 г. 22 апреля»
Исторический музей, Москва

— Полоумная она или умна, что ль, очень, уж я и не разберу. У него на прицеле был уже рассказ — притча о сожженной неверной жене, он был на подступах к этому рассказу.

Садовский — Миловидов сочувственно спрашивал:

— А ведь, должно быть, скверно, когда жена обманывает! Как ты думаешь?

Бессудный — Головин только вскидывал глаза на Миловидова и спокойно отвечал, словно излагая таблицу умножения:

— Что хорошего! Да ведь каков муж, другого обманет, так и сама не рада будет, что на свет родилась.

Серьезно и пристально слушал и смотрел на него Садовский — Миловидов. Он сидел, развалившись на диване со спинкой, а страшила — Бессудный стоял во весь рост за столом перед диваном.

— Был у меня приятель, мужик богатый, человек нраву крутого, — вещал эпически Бессудный — Головин. — Только стал он за женой замечать, что дело не ладно... (взгляд, что стрела! Миловидов поправлял ворот рубахи).

— Вот он раз из дому и собрался, будто в город, а сам задворками и воротился, заглянул в окно, а жена-то с парнем.

На серьезном лице Миловидова — Садовского — напряженное внимание.

— Что ж он, сударь, сделал!

Какая-то жилка дрогнула в Миловидове:

— А что?

Сверлит, сверлит глазами Бессудный Миловидова:

— А вот что: парню-то он дал уйти; затопил овин, будто хлеб сушить, да пошел с той, с женой-то, с подлой-то, да живую ее, шельму, и зажарил.

Головин кулачищем опирался о стол; единственным жестом через всю сцену с Миловидовым он выражал свое отношение к жене: он бы ее «придушил». Еще раз блеснув глазами, он как бы говорил Миловидову о том, что его ждет... и совсем, совсем просто завершал:

— Вот что он сделал!

Углубляясь в диван и не меняя шикарной позы, Пров Михайлович дрогнувшим голосом спрашивал:

— Судили его за это?

Бессудный — Головин отвечал совершенно безразличным голосом:

— Нет.

— Отчего же? — удивлялся Пров Михайлович.

— Да кто ж видел! Кто докажет? — спокойно въедался Бессудный. — Сгорела, да и все тут.

Бессудный — Головин смотрел на Миловидова, проверяя впечатление от рассказа и внушая ему возможную «перспективу». Как глубоко верующий, он (это разбойник-то!) произносил: «он потом на Афон молиться ушел». Интонация у С. А. Головина была такая, что меня-то бог помилует, отмолю грехи-то, старые и новые, а вот от вас дым пойдет...

Энергично заканчивал он свою мысль:

— А по-моему, так и судить-то не за что: моя жена, я в ней и влас-тен.

Сие звучало абсолютной, незыблемой, ничем не опровергаемой истиной: взгляд карих глаз «повисал» на Миловидове, продолжая мысль.

То немногое, что рассказала я об этом спектакле, помогает сделать некоторые выводы. «Реализм не есть что-нибудь новое, но есть ни более ни менее как настоящее творчество», — писал сам Островский (XIII, 162). Спектакль был глубоко, последовательно реалистическим и этим отвечал идейно-художественному смыслу пьесы.

Приказчик и Подхализин

«СВОИ ЛЮДИ — СЧТЕМСЯ!»

Липочка, дочь Самсона Силича

Аграфена Кондратьевна, жена его

Лазарь Елизарыч Подхализин
старший приказчик у Большова

Сысой Псоич Ресположенский
ходатай по делам

ПЕРСОНАЖИ КОМЕДИИ «СВОИ ЛЮДИ — СЧТЕМСЯ!»

Рисунки П. М. Боклевского, 1860-е гг.

(Липочка, дочь Самсона Силича; Аграфена Кондратьевна, жена его; Лазарь Елизарыч Подхализин, старший приказчик у Большова; Сысой Псоич Ресположенский, ходатай по делам)

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва